

DOI: 10.31040/2222-8349-2022-0-1-92-95

**К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХИМИКА И ОРГАНИЗАТОРА НАУКИ,
ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР С.Р. РАФИКОВА
(19.04.1912–19.01.1992)**

© Р.Х. Кудашев

В плеяде замечательных учеников академика Шорыгина, таких как А.В. Топчиев, А.А. Берлин, З.А. Роговин, В.В. Коршак, был и Сагид Рауфович Рафиков, у которого мне посчастливилось работать. В памяти каждого навсегда сохраняются люди, которые оставляют наиболее сильный след в жизни и научной судьбе. К таким людям, сыгравшим большую роль в становлении моей научной биографии, относится С.Р. Рафиков, чей светлый образ явился для меня эталоном глубокой мудрости и порядочности, отеческой требовательности и научной добросовестности, образцом утонченного интеллекта, свойственного лишь личностям с богатым духовным миром.

Еще в конце шестидесятых годов я услышал о приезде в Уфу целой группы ученых во главе с ним. Примерно в это же время от своего коллеги (тогда я работал на стерлитамакском химзаводе – «теперь АО «Каустик») узнал о посещении города химиков лауреатом Нобелевской премии академиком Н.Н. Семеновым, с учеником которого меня сведет сама судьба. Все это вместе бесповоротно повлияло на мою дальнейшую жизнь. Так уж случилось, что ей же – судьбе – было угодно свести меня с доктором химических наук, профессором, заведующим кафедрой высокомолекулярных соединений Башкирского государственного университета К.С. Минскером. Взяв меня к себе на работу, он дал мне возможность пройти стажировку в лаборатории катализа полимеризационных процессов Института химической физики АН СССР (г. Москва), возглавляемого крупным ученым в этой области Николаем Михайловичем Чирковым. В это время директором Института химии Башкирского филиала АН СССР (теперь Институт химии УФИЦ РАН) был С.Р. Рафиков. Одновременно он являлся председателем Президиума БФАН СССР. С целью развертывания в нашем регионе перспективных научных направлений и подготовки кадров дирекция института была заинтересована в прикомандировании наиболее одаренных сотрудников в академические учреждения.

Еще не видя С.Р. Рафикова, я понял, что «дух поддержки» моего стремления поступить

на учебу витает где-то совсем рядом со мной. Это придало мне силы: буквально за два месяца московской стажировки и этого же срока самостоятельной подготовки я на «отлично» сдал кандидатский минимум по английскому языку и на «хорошо» по философии. А пропадая вечерами в «Ленинке» (днем овладел техникой эксперимента при работе на установке высокого давления в химфизиковской лаборатории), подготовил и написал обязательный реферат с названием «Полимеризация и сополимеризация полярных виниловых мономеров в присутствии комплексных металлоорганических катализаторов» для поступления в аспирантуру. Той же осенью 1969 г., сдав вступительные экзамены по основному предмету и «Истории КПСС», я стал целевым аспирантом Института химической физики АН СССР (теперь проблем химической физики РАН им. акад. Н.Н. Семенова).

Быстро пролетели эти чудесные годы, полные химического эксперимента и превращений больших молекул, секретов катализа и встреч с выдающимися учеными. И вот я в Уфе, буквально на третий день после бессонно проведенной ночи при подготовке преддиссертационных рисунков и вслед за этим выступления на семинаре, предстал перед завлабом физикохимии полимеров Ю.Б. Монаковым (будущим академиком РАН), в лаборатории которого мне предстояло проработать в течение 20 лет.

Возвращусь на полгода назад – во время, предшествующее моему окончательному возвращению в Уфу. Как и некоторые мои коллеги, идущие по тернистому научному пути, я не смог завершить эксперименты в срок и, естественно, уложиться в три аспирантских года. И вот в декабре 1972 г. (время окончания учебы) я появился в ИХ РФАН СССР и зашел к С.Р. Рафикову с заявлением о приеме на работу и моем прикомандировании на несколько месяцев в академический институт в Москве, заручившись поддержкой заведующего лабораторией. При встрече Сагид Рауфович, подробно расспросив о работе над кандидатской диссертацией и вызвав начальника отдела кадров, сказал мне, что в порядке исключения принимает меня на должность младшего научного сотрудника.

Отметив при этом, что по установленному порядку окончивших срок аспирантуры он принимает сначала в качестве старшего лаборанта. Так это или не так, я не знал (за моими плечами уже была работа на химзаводе в качестве старшего инженера-химика и два года работы преподавателем химических дисциплин в техникуме), но вместе с тем мне было лестно. Получив также согласие на командировку и выполнив кое-какие формальности, связанные с поступлением на работу, я улетел в Москву. Приехав летом следующего года с «сырым кирпичом» – вчерне написанной диссертацией, перед повторной встречей с ним немного трусил. И не напрасно: когда неприменный секретарь дирекции Тамара Ивановна Пенькина пригласила меня войти к нему в кабинет, то после приветственных слов С.Р. Рафиков «прошелся» по моей бороде. Это на меня оказало настолько сильное воздействие, что я в тот вечер ее сбрил. Я понял, что лучше носить ее после защиты. Уже после защиты диссертации, когда я набрался смелости отпустить бороду, вопросов по этому поводу больше не возникало. Немного позднее С.Р. Рафиков предложил мне в качестве оппонента доктора химических наук, профессора из Института элементоорганических соединений АН СССР им. А.Н. Несмеянова Т.М. Фрунзе – дочь прославленного полководца времен Гражданской войны. Однако в связи с болезнью она не смогла приехать, но положительный отзыв прислала. Это стало известно лишь 8 мая 1974 г., буквально за три дня до защиты. Впереди к тому же один праздничный день 9 мая – День Победы. Основания для волнения были, хорошо помню, как в этот день Сагид Рауфович, чтобы не сорвалась моя защита, договорился по телефону в моем присутствии с «пожарным» оппонентом профессором, академиком Каз. ССР В.Г. Беньковским. И с той поры потекла моя жизнь в ИХ БФАН СССР. Первые шаги здесь оказались самыми памятными и трудными: новые люди и новые условия, определение новой тематики. Поддавшись общему настроению, имея на руках больного сына, я решил уволиться из института. Сагид Рауфович сожалел, что я собрался уходить: «Очень жаль, что вы уходите. Конечно, с квартирами у нас трудновато, а вот старшего научного сотрудника я могу вам обещать. А вы подумайте над моим предложением». После этого разговора как-то и дела пошли в гору. Добрая поддержка и работа увлекли меня и я, взвесив все это, решил остаться. Я с благодарностью вспоминаю это время! Недостатков в реактивах не было: можно было заказать их на выбор в зависимости от отечественного производителя или

зарубежного предприятия. Служба снабжения, благодаря немалым усилиям дирекции института, работала бесперебойно. Не отставало и инженерное обеспечение академических подразделений – служба КИП (контрольно-измерительные приборы), механические мастерские и другие отделы делали все возможное, чтобы не нарушить ритм творческой работы. Практически была доступна отечественная и зарубежная литература по любым направлениям химии. Трещал хроматограф, выпуская свой длинный диаграммный язык с заветными расчерченными красными чернилами треугольниками.

Наступил 1976 год. Уже после летнего отпуска мне по внутреннему телефону звонит секретарь и просит зайти к С.Р. Рафикову. Я не знал, что и думать, теряясь в догадках о причинах. Поздоровавшись, Сагид Рауфович спросил о делах и без особого перехода сказал, что нужно поработать на общественной работе. Тут же в кабинете находился и приглашенный в связи с этим секретарь парткома БФАН СССР А.И. Кропачев. Мне было предложено возглавить профком БФАН СССР на общественных началах. Я прекрасно понимал, что это может в определенной степени быть помехой моей основной научной работе. Тем не менее каждый меня поймет, как я мог отказаться?! Уже впоследствии анализируя события своей жизни, я вспоминаю высказывание своего близкого друга о том, что из любой ситуации всегда можно извлечь положительный урок. Какой прозорливой оказалась эта изначально заложенная мудрость учителя! С.Р. Рафиков, хорошо понимая, что все это требует времени, никогда не отвлекал меня на второстепенные дела, мешающие научным исследованиям. Я часто заходил к нему со своими статьями и выслушивал его рекомендации, которыегодились мне в дальнейшем. Для него было характерным то, что он мог изменить лишь какую-нибудь фразу в статье, которая на его взгляд была слишком громоздкой или же очень тактично посоветовать: «Хорошо бы проверить вот это!» Кроме бесед о науке и людях, связанных с ней, он вспоминал о своих поездках из Казани в Москву, цитировал наизусть стихи татарского поэта Хусаина Туфана, о посещении которого нередко рассказывал мне, делился об игре актеров башкирской драмы, хотя из-за чрезмерной загруженности не всегда мог быть зрителем. Как-то раз С.Р. Рафиков в связи с намечавшемся семинаром поделился тем, что в бытность его работы в Институте элементоорганических соединений АН СССР им. А.Н. Несмеянова они проводились в нерабочее время. Иногда в доверительном разговоре, характеризуя того или иного

сотрудника, говорил: «Право, какой-то он странный!» – избегая резких суждений о человеке. В некоторых ситуациях он выражал свое отношение и таким образом: «Уж больно он не выдержан, но, к сожалению, на эту должность больше некого ставить». (Когда речь шла о выдвижении кого-либо на административную должность.) Бывали и ситуации, отнесенные непосредственно ко мне: «А оказывается, у вас накопился материал на 2–3 статьи, а вы до сих пор их не написали!» Помню, как после моего выступления на ученом совете ИХ БФАН СССР с докладом он сказал мне совершенно четко: «Что вы во время своего выступления всех учите! Вот когда будете профессором, тогда и учите». Уже в последние годы его жизни, когда он прилетал из Москвы (он являлся консультантом отдела полимеров), мне не раз пришлось его встречать и провожать. Приходя в институт, он часто спрашивал про меня у ученого секретаря, кандидата химических наук М.А. Саитовой: «А где же мой сын?». Об этом я узнал только после его кончины. Как-то, перелистав мой литобзор по докторской диссертации, написанный вчерне, обратив внимание на его слишком большой объем, заметил: «Эту часть вы включите в свою будущую монографию. Спешите все написать вчистую; мне хотелось бы увидеть вас доктором». В один из моих приездов в столицу с практически уже завершённой работой, посетив Сагида Рауфовича в его московской квартире, я услышал, что он искренне рад видеть мой труд. Это было ранним летом 1991 г. – времени начал всяких послеперестроечных потрясений в стране. Сидя на стуле на своем уютном балкончике, окруженный пышной рассадой, он рассказал мне о том, как к нему домой заявила какая-то национальная депутация экстремистского толка, которую он немедленно выставлял за дверь.

Тут поневоле на ум приходят слова видного ученого времен Великой французской революции о том, что «у науки нет Отечества, но, к сожалению, у ученых есть Отечество!». С.Р. Рафиков был истинным ученым и сыном планеты Земля и близким братом любого ученого независимо от его национальности и вероисповедования. Я слышал, как он в равной степени говорил с чехом и китайцем, немцем и венгром. В кабинете слышалась его речь на русском, английском, татарском, немецком. Я сохранил на всю жизнь трогательный эпизод, связанный с Сагидом Рауфовичем. Закончив перевод своей статьи на английский язык для одного зарубежного журнала, я дал ему ее для окончательного «суда». После его очередного приезда из Москвы в Уфу я напомнил ему о

ней. Он с крайним удивлением сказал мне, что вернул ее мне сразу же по прочтении. Несколько растерявшись после этого, я перерыл все свои бумаги и, конечно, ничего не нашел. Каково же было мое изумление, когда с оказией из Москвы мною вскоре была получена «злополучная статья» и письмо от С.Р. Рафикова. Оно начиналось словами извинения по поводу недоумения, связанного с ней. И в заключении: «Статья местами звучит совсем по-английски и может быть опубликована».

С.Р. Рафиков был иногда обезоруживающе дипломатичным человеком, с чем мне пришлось столкнуться лично. В начале 1977 г. он вызывает меня к себе в директорский кабинет и предлагает стать заместителем директора Института химии по научной работе. Запомнил: «Вы уже немолоды (мне стукнуло 38 лет) и имеете опыт работы с людьми (к тому времени я уже был председателем Президиума профкома БФАН СССР), да и, кроме вас, некому (разумеется, спорный тезис)». И через год: «Ну вот, если у кого-то и были сомнения по поводу того, что вы потянете эту должность, то теперь они рассеялись. Вы, действительно, замдиректора».

Прошло почти четыре года. Мне приходилось сочетать научную работу с замдиректорством и профсоюзной работой. Совещания, заседания, комиссии. Нелегко было выбрать оптимальную линию поведения, да и с распределением времени не всегда выходило гладко. При моем эмоциональном характере часто остро реагировал на всякие жалобы, которые, хотя и редко, но встречались в многогранной профсоюзной работе. Помню, как один из «правдоискателей» написал на меня «телегу» в Москву на имя А.Н. Косыгина. Правда, все обошлось, хотя и был приезд юриста из президиума АН СССР для разбора этой жалобы. Возможно, также, что Сагид Рауфович, почуяв мой крен в административно-командную и общественную плоскости работы, решил со мной поговорить. Он напомнил мне о том, что какую бы должность ни занимал научный сотрудник, он никогда не должен забывать о своем главном предназначении науке. Мягкость разговора со мной не затенила его главной мысли, состоящей в целесообразности уделять большее внимание исследованиям и дальнейшему научному росту. Я благодарен ему за своевременность этого совета и его заинтересованность в активизации моей работы. И тогда я вновь оказался в лаборатории стереорегулярных полимеров (до этого лаборатория физико-химии полимеров), возглавляемой акад. Ю.Б. Манаковым – учеником С. Р. Рафикова, многие мои коллеги и, в первую очередь Юрий

Борисович, по достоинству оценили мое решение. Возвращение на «круги своя» оказалось для меня весьма плодотворным.

С. Р. Рафиков был очень компанейским человеком, общительным. Иногда делился со мной встречами с интересными людьми. Как-то во время поездки в ЧССР он познакомился с одним известным химиком, который рассказал ему, что И.В. Сталин подарил жизнь Карлу Радеку, одному из своих оппонентов по партийной борьбе. Дело в том, что в нашей историографии считается, что «дядюшка Джо» расправился с ним, в то время как тот, сменив свою фамилию, спокойно дожил жизнь в эмиграции, как и небезызвестный А.Ф. Керенский.

Однажды во время своего замдиректорства в теплый августовский день, когда многие сотрудники и завлабы были в отпусках, он предложил мне проехаться на дачный участок в район поселка Ауструма по Челябинскому тракту, принадлежащий заведующему лабораторией элементоорганических соединений профессору В.П. Юрьеву. На всякий случай я прихватил с собой бутылку «Бренди» и дюжину яблок. Из-за грязи мы так и не смогли добраться до места назначения. Спустя годы я напомнил ему о «Бренди», на что он сказал: «По-моему мы ее распили, не так ли?» На что я, несколько смешавшись, ответил отрицательно: я не посмел ему ее предложить.

Чуткость отношений С.Р. Рафикова к окружающим, в первую очередь, к ученым, является неотъемлемой чертой его характера. Как вспоминает моя сестра Ф.Х. Кудашева, д.х.н., профессор, заведующая кафедрой общей химической технологии и аналитической химии Башгосуниверситета, когда она впервые встретила с ним во время поездки на XIV Менделеевский съезд по общей и прикладной химии в 1989 г.: «Еще в уфимском аэропорту, когда автобус с пассажирами подруливал к трапу самолета, Сагид Рауфович вспомнил моего отца и сказал, что они были друзьями. После приземления в аэропорту города Алма-Ата ко мне подошел член

оргкомитета съезда и передал от имени Сагида Рауфовича, что ему поручено устроить меня в гостиницу. Дело в том, что у меня не было официального приглашения на съезд, и поэтому эта его забота была особенно трогательной. А несколько лет спустя, встретившись в ИОХ УНЦ РАН, я попросила его уделить мне время для обсуждения своих научных работ. Когда я изложила характер своих исследований, связанных с использованием нефтяных пеков для получения углеродных волокон, он легко уловил проблему, порекомендовал мне связаться с конкретными отраслевыми институтами этого профиля, что существенно повлияло в продвижении моей научной работы».

Было очень трогательно, когда при встрече его из Москвы он привозил лимоны или апельсины и вручал их встречающим. Это чем-то напоминало отцовские новогодние подарки в детстве, приносимые им вместе с пахучими еловыми ветками. Трудно забыть, как Сагид Рауфович, когда я известил его по телефону о своем приезде в Москву для обсуждения материалов докторской диссертации и поздравил с Рождеством, поблагодарил меня, сказав при этом, что еще никто его не поздравлял с этим праздником.

Во время нашей последней встречи в его московской квартире в начале 1992 г. он вышел в зал из своей комнаты, сильно похудевший и ослабевший, толкая для опоры впереди себя тележку на колесиках. Перед моими глазами на столике в подносике мелькали небольшие святочные фигурки. А потом его не стало.

Жизнь Сагида Рауфовича подобна лучу яркой звезды, свет от которой до земли идет многие десятилетия.

Очень хорошо, что 22 октября 2021 г. перед Институтом химии УФИЦ РАН состоялось торжественное открытие бюста Сагида Рауфовича Рафикова. Идея принадлежит члену-корреспонденту РАН М.А. Ильгамову. Поддержали и содействовали воплощению в жизнь задуманного д.х.н. А.Г. Мустафин и д.х.н. В.П. Захаров.

*Подготовлено по материалам:
Кудашев Р.Х. Княжеский след в истории России.
Уфа: Восточная печать, 2017. С. 275–283.*

